

Закономерные случайности, или Рождение первого.

(к 150-летию основания Хирургического музея
Медико-хирургической академии)

О. Р. Кушнир

Первое впечатление: Хирургический музей Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии возник в 1863 году как-то вдруг, ниоткуда. Случайно. Много позже Г. И. Турнером* было дано такое объяснение этого события: переход академии в 1838 году в военное ведомство и необходимость в связи с этим иметь учебную базу подготовки врачей для действий в военнопольных условиях. Этой базой, своеобразным учебным кабинетом, должен был стать Хирургический музей. Тогда сразу возникает вопрос: почему музей не был открыт именно в 1838 году или в следующем, 1839-м, когда в академии появились новые кафедры и новые преподаватели, а был разрешен военным министром Д. А. Милютинным только 9 февраля 1863 года?

Начинать следует, очевидно, с 23 ноября 1856 года, когда был разрешен неограниченный прием в университеты**. Эта мера отражала главную идею реформ в области образования первых лет царствования Александра II: обновляемой России требовалось как можно больше образованных людей, которых очень не хватало и в «старое», николаевское, время. Кроме того, система «классического» образования того времени вызвала много нареканий за оторванность от реальной жизни. Привить образованию необходимый практицизм стало одной из главных задач преобразований в сфере просвещения.

Политика просвещения сложилась с другой серьезной проблемой: оказание первой помощи раненым в сражении. Логика подсказывает, что первую помощь должны уметь оказывать сами солдаты. Однако в XIX веке это не считалось необходимым, и солдат не учили и не готовили к само-

взаимопомощи в бою. Правда, солдатам выдавали на руки бинт, корпию и холщовый пластырь, но они не должны были их употреблять самостоятельно: в случае ранения солдату полагалось обратиться к врачу (или фельдшеру), и уже последний делал перевязку из того, что ему давал раненый. Далеко не все врачи одобряли раздачу перевязочных материалов на руки; против выступали, например, А. А. Чаруковский и Н. И. Пирогов. Аргументировали они так: если раздавать бинты на руки, то солдаты их еще до боя могут испачкать, разрезать, употребить не по назначению (почистить ружье, например) – словом, перевязываться будет нечем. Если же следовать официальным положениям, перевязочные материалы должны были храниться в аптечных ящиках, которые в бою не всегда были доступны. Автор одной статьи в «Военном сборнике» в 1862 году предлагал укладывать в офицерские ранцы емкости с хлороформом: дескать, все равно ранцы у офицеров – предмет декоративный, вещи в нем не носят, так зачем зря пропадать месту***. Носить медикаменты в ранцах было привилегией ротных фельдшеров, то есть нижних чинов; и такое «низведение» до их уровня господ офицеров прекрасно показывает остроту проблемы.

Таким образом, медики оказывались искусственно перегружены работой. При этом «военная» подготовка для студентов Медико-хирургической академии проводилась только в Военно-сухопутном госпитале, где учились лечить солдат, усваивали азы службы, и только. Считалось, что военно-полевую практику выпускники получают уже непосредственно в войсках, как бы автоматически. Иными словами, война научит.

Хирургический музей должен был обучить или хотя бы дать представление всем будущим врачам, с помощью каких средств и в каком объеме оказывается медицинская помощь в современном бою. Напомним, что основу первой (1863–1867) коллекции музея составили перевязочные материалы, комплекты военно-походных аптек, наборы инструментов и средства эвакуации. Необходимо заметить также, что под словом «перевязка» в те времена понималось не только наложение бинта; этот термин означал весь комплекс мероприятий, проводимый непосредственно после ранения, в том числе хирургическую помощь. Отсюда и название нового учреждения. При этом в XIX веке традиционно считалось, что вся медицина состоит из двух частей: теоретической науки и хирургии, признававшейся сущностью медицинской практики. Таким образом, название «Хирургический музей» следует читать как «Музей практической медицины».

Случайностью можно считать и то, что новое заведение стало «музеем». Из всего вышесказанного понятно, что предметы первой коллекции должны были быть самых современных образцов. Таковой коллекцию и формировали. Например, в «Каталоге Хирургического музея» под № 365 числятся «пулевые щипцы нового устройства, известные под названием американских»****, а нужно сказать, что интересоваться заокеанским боевым опытом в Европе начали именно в 1860-е годы, во время Гражданской войны в США 1861–1865 годов. И все же, судя по предисловию П. П. Заблочно-Десятковского к «Каталогу», создатели музея стремились вырваться из жестких рамок сугубого практициз-

* Генрих Иванович Турнер (1858–1941), профессор кафедры десмургии и механургии Военно-медицинской академии, заведовал Хирургическим музеем с 1895 г. до его расформирования в 20-е гг. XX в.

** Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903. С. 234.

*** Гр. Ор. «Заметка о перевязке на поле сражения» // Военный сборник. 1862. № 1–2.

**** Каталог Хирургического музея Императорской Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. СПб., 1867. С. 80.

ма. Этому помог известный хирург И. В. Буяльский, который подарил новому музею, в числе прочего, несколько наборов инструментов XVIII века. Имя Ильи Васильевича, его научный авторитет не могли не сделать эти наборы шедеврами коллекции, а Музей стал музеем в обычном понимании, то есть приобрел необходимый историзм.

Кстати, о роли личности в истории. Безусловно, Хирургическим музеем мы обязаны П. П. Заблоцкому-Десятковскому, на момент основания музея – профессору кафедры теоретической хирургии. Точнее, его содружеству с президентом Медико-хирургической академии П. А. Дубовицким. Они знали друг друга еще до академии – учились в одно время в Московском университете. Получив должность профессора кафедры теоретической хирургии академии, Дубовицкий сделал Заблоцкого своим помощником: пригласил на кафедру адъюнктом. И когда в 1857 году Дубовицкий стал президентом, Заблоцкий продолжал оставаться вторым по значимости лицом в академии (после ухода Дубовицкого в 1868 году должность президента академии предложили Заблоцкому). А в их тандеме – может быть, первым: Заблоцкий был «старшим ровесником» (Дубовицкий был младше на год). Кроме того, у Заблоцкого было прочнее социальное положение. Дело в том, что Заблоцкий был весьма известным специалистом, и в 1843–1849 годах даже был дежурным гоф-медиком (придворная должность), а у Дубовицкого было пятнышко на биографии: его отец по приказу Николая I был насильно отдан в монастырь за «неправильное» толкование Евангелия. В любом случае, Заблоцкому было проще, чем кому бы то ни было, устроить себе заграничную командировку, а также «протолкнуть» идею о музее в академической Конференции и выше по начальству. Остается понять, почему именно Заблоцкий увлекся идеей музея. С молодых лет Павел Парфентьевич много занимался естествознанием, участвовал в двухлетней экспедиции к Каспийскому морю, собрал коллекцию костей морских животных, насекомых и растений, которую в 1856 году подарил музею естественной истории Медико-хирургической академии. Так что страсть Заблоцкого к экспонатам и препаратам была давней и устоявшейся. Объективно же кафедра теоретической хирургии

П. А. Дубовицкий

П. П. Заблоцкий

подготавливала студентов к практическим операциям, каковая подготовка без учебных пособий, конечно, невозможна. В 1846–1852 годах Заблоцкий был профессором кафедры судебной медицины, медицинской полиции и гигиены, то есть занимавшейся специальной медициной, для чего пособия и препараты нужны были не меньше. Заблоцкий сам призывал, в предисловии к книге «Описание грыж» (1855): как можно чаще исследовать трупы, то есть с медицинской точки зрения те же препараты.

Теперь – о дате «рождения» музея. Заблоцкий сделал доклад о необходи-

мости подобного учреждения 3 декабря 1862 года, а получил «добро» только через два месяца. При тогдашней волоките трудно расценить этот промежуток времени как длинный или короткий, но, по нашему мнению, дело было в другом. Российская империя после Крымской войны испытывала сильнейший финансовый кризис, поэтому любые «лишние» затраты в военном ведомстве категорически не одобрялись. При этом Медико-хирургическая академия влетала в копеечку: при Дубовицком формировались новые кафедры, врачебный институт, закупались новые учебные пособия. Штат академии в 1862 году пришлось увеличить на 23,5 тыс. руб. серебром*. А тут еще потребовалось покупать новое имущество, причем за границей! Но в начале февраля 1863 года вдруг оказалось, что на Хирургический музей тратиться можно и нужно.

10 января 1863 года в Польше началось национальное вооруженное восстание. Несмотря на то что первые выступления поляков удалось подавить, дальнейшие боевые действия представлялись весьма непростым делом. Достаточно сказать, что в одном 1863 году было сформировано 19 (!) новых пехотных дивизий, – 76 полков, по меркам XIX века – армия среднего государства. И дело было даже не в поляках. Александр II серьезно считал, что на стороне восставших в войну вступят Франция, Англия и Австрия. Реваншистски настроенный российский император увидел в этом возможность пересмотреть итоги Крымской войны и даже попытался привлечь Пруссию к участию в войне на стороне России. Перед новой большой войной, конечно, крайне важным становилось обучить оказанию первой помощи как можно больше специалистов, – отсюда и «согласие» Милютина открыть музей.

На готовившуюся войну с коалицией держав указывает и содержание первой коллекции музея. Заблоцкий подсмотрел идею музея в аналогичных учреждениях Франции и Германии. Турнер писал, что Заблоцкий «задался мыслью создать учреждение, подобное музею при французской военно-медицинской школе Val de Grace в Париже и другим, существующим за границей»*. Судя по тому, что эти «другие» не названы, образцом

* История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет 1798–1898. СПб., 1898. С. 575.

послужила именно французская школа. Здесь, конечно, и традиционное для России следование французской моде, вновь вспыхнувшее во второй половине XIX века, но не только. Французская империя в 1860-е годы признавалась самым сильным в военном отношении государством в Европе (а значит, и в мире). Если посмотреть статьи в военных журналах того времени, легко можно убедиться, что постоянное и почетное место в них занимало военное дело Франции. Как известно, при подготовке к войне не выдумывается какой-то абстрактный противник, а в качестве последнего берется конкретное государство и его армия, с которой будем (или скорее всего будем) воевать. Несмотря на потепление отношений в конце 50-х годов, в России не перестали считать Францию «вероятным противником», минимум – весомым соперником.

Главное, что интересует в противнике, – какое у него оружие. Открываем «Каталог Хирургического музея» и видим, что «отделение» первое – ранящее оружие и снаряды – состоит из четырех частей: холодное оружие русской армии, пули русской армии, артиллерийские снаряды русской армии, и пули, употребляемые во французской армии, которых записано 16 номеров и гораздо больше предметов: под № 34 – десять пуль, «доставленных из Крыма по окончании Севастопольской войны». Бросается в глаза огромное количество французских инструментов в одних только наборах. Из тех иностранных наборов, «национальность» которых указана, 28 – французские, и только по одному – немецкий (точнее, «из Берлина») и английский. Стандартное пояснение к наборам: «набор (следует предназначение), присланный из Франции, работы Шарриера, и назначаемый для тамошней армии». Особенный пиетет к французскому опыту видится нам даже в названиях из «Каталога»: например, в перечнях французских упаковок сохраняется французский термин «бистури», тогда как в немецких наборах тот же предмет называется привычно для нас – «скальпель».

Не было совпадением то, что именно в 1862 году Заблоцкий отправился в вояж по хирургическим музеям Европы. Россия стала готовиться к очередной большой войне с весны-лета того года. Чтобы в этом убедиться, достаточно пересмотреть Военно-медицинский журнал за 1862 год. До лета статьи в журнале касались обычных, «мирных» медицинских дел. А с июльского номера – со страниц журнала резко повеяло войной. В официальной части № 7 были помещены полные тексты «Наставления врачам, предназначенным для сопровождения воинских команд, отправляемых в поход» и «Краткого наставления лекарскому помощнику или фельдшеру, назначенному для сопровождения воинской команды без врача», утвержденные 6 июня 1862 года. В том же номере – своеобразная поддержка идей Заблоцкого: статья доктора Генрици «О полевых носилках и госпитальной кровати с постоянной постелью и подвижным изголовьем». Или, в декабрьском номере, – «Способ наложения повязки раненым ружейною пулею» Никольского. Польша «тлела» с 1860 года, и зыбкое затишье никого не обманывало: недаром в сентябре 1862 года в Польшу была временно переведена (и осталась до Первой мировой войны) 3-я гвардейская пехотная дивизия – считай, треть государственной гвардии. Посыпались приказы в духе упомянутых «Наставлений»: о прибавлении к штату 3-й гвардейской пехотной дивизии должности дивизионного доктора (30 июля 1862 года); об учреждении должностей фельдшеров в «крепостных артиллериях» Западного края: Варшавской, Новогеоргиевской, Брест-Литовской, Замосцкой и Ивангородской (3 ноября). В тот же день учредили должности старшего врача, старшего и младшего фельдшеров в Кронштадтской крепостной артиллерии: конечно, не забыли о действиях флота союзников против Кронштадта и Севастополя в 1854 и 1855 годах.

Заблоцкий был «уволен» за границу 6 мая 1862 года**, приказом № 19 по военному ведомству о чинах гражданских. Интересно, что практически вместе с ним уехали в Европу

П. А. Дубовицкий, С. П. Боткин и Н. Ф. Здекауер*** (все с 29 апреля). Примечательно и то, что у всех четверых срок отпуска сформулирован расплывчато: «на каникулярное время сего года». Это – единственный случай: у всех остальных увольняемых сроки и места проведения отпусков определялись четко. Например, уволенный тогда же, 29 апреля 1862 года, доктор Бинеман – «в Англию и Германию на три месяца». Уволенный с 10 июня В. В. Пеликан – «к Карлсбадским минеральным водам на 4 месяца». Конечно, маститые деятели академии и талантливый Боткин могли просто получить разрешение ехать отдыхать куда им угодно. Но, на наш взгляд, эта неопределенность – признак откровенно полушпионского характера подобных командировок. Вот как Здекауер ездил на «отдых» в 1857 году: «Имея в виду путешествие за границу частью для поправления расстроенного здоровья, а преимущественно для личных сношений с известнейшими преподавателями патологии и диагностики, я на это полагаю посвятить каникулярные фери. Вместе с тем Конференции Академии угодно было мне поручить осмотреть, в отношении устройства и улучшений, главнейшие, в особенности новейшие, госпитали и клинические заведения Европы. Это заставило меня изменить план моего путешествия и пожертвовать предполагаемым курсом лечения, который бы отнял у меня слишком много времени, никак не совмещающа со столь важным и почетным для меня поручением»****. Что Здекауер делал в «каникулы» 1862 года и что делал Дубовицкий, нам выяснить не удалось, но Боткин сначала занимался научными изысканиями в Берлине и только потом уехал на воды. То же и Заблоцкий. Павел Парфентьевич очень вовремя исследовал хирургические музеи и военно-медицинское оборудование европейских государств, быстро и четко доложил академической Конференции... и в Санкт-Петербурге, а значит и в России, появился первый медицинский музей.

Все даты даны по старому стилю.

* Г. И. Турнер. Повреждения и болезни костей человека, по данным Хирургического музея Императорской военно-медицинской академии. Вып. 1. Петроград, 1915. С. 3.

** Военно-медицинский журнал. 1862 г., июнь, официальная часть. С. 25. По положениям того времени, срок нахождения в отпуске в общий срок службы не засчитывался.

*** Николай Федорович Здекауер (1815–1897 или 1898) – лейб-медик, профессор кафедры госпитальной клиники МХА, признанный специалист по диагностике и патологической анатомии.

**** Здекауер. Отчет об ученом путешествии за границей с 12-го мая по 25-е августа 1857 года // Военно-медицинский журнал. 1859, август. С. 89.